

ПАВЕЛ ГУБАРЕВ

ДЕПРЕССИЯ, РОБОТЫ И ОДИН ВЕЛОСИПЕД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

«Автор затронул настоящую, серьёзную тему в киберкультуре. В тексте есть авторская интонация, ясное настроение и внятная мысль».

18+

БРЮС СТЕРЛИНГ, писатель, основатель жанра Киберпанк

Павел Губарев

Депрессия, роботы и один велосипед

<https://litres.ru/56104270>

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман в рассказах.

Этого робота тренировали как пособие для психиатров, и вот он сбегает. Как его остановить?

На далёком курорте компьютеры отеля сходят с ума и бронируют все номера на девушку, живущую в Москве. К ней приходит детектив и намекает, что в её прошлом есть загадка.

У меня был полный гараж маленьких странных роботов и никаких объяснений. А что если они -- оружие?

«Чёрное зеркало» плюс «Лжец на кушетке». Эта книга не только подарит множество детективных фантастических сюжетов, но и расскажет о том, что происходит в кабинете психотерапевта.

«Это, конечно, не «проба пера», а вполне зрелый роман состоявшегося автора. Чувство языка, темп, ритм, диалоги – с этим у автора никаких проблем. [...] Павлу Губареву определенно есть что сказать о психотерапевтических практиках. Есть любопытные идеи для творцов «современного искусства» –

например, визуализация индивидуальных внутренних состояний.
Изобретательно.»

Критик Василий Владимирский

Содержание

2050. Карты местности	7
2080. Мексиканка	47
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Павел Губарев

Депрессия, роботы и один велосипед

Автор затронул настоящую, серьёзную тему в киберкультуре. В тексте есть авторская интонация, ясное настроение и внятная мысль.

БРЮС СТЕРЛИНГ, писатель, основатель жанра Киберпанк

Для публики остаётся загадкой, что именно происходит в кабинете психотерапевта между ним и клиентом/пациентом, как работает эта самая терапия. Это при том, что психотерапия приобретает всё большее значение, множатся разнообразные школы, техники и приемы.

Писатель, побывавший в кабинете терапевта, поможет вам разобраться и приоткроет секреты психологического лечения. Павел Губарев – фантаст, но именно фантастическая проза максимально соответствует той загадочной ситуации, когда с помощью разговора двух человек между ними происходит нечто такое, что меняет каждого участника.

БАБИН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – Президент Российской Психотерапевтической Ассоциации (РПА). Врач психотерапевт, доктор медицинских наук, профессор кафедры психотерапии, сексологии и мед. психологии СЗГМУ им. И.И.Мечникова.

2050. Карты местности

Прежде чем мне стало неловко за мысль, что хочу заработать на имуществе мертвеца, я успел прикинуть, сколько стоят одни только контроллеры движения. Соблазн был большой, тем более что я ничего не крал и вообще ничего противозаконного ещё не совершил. Разве что взломал замок гаража.

Да, взломал замок. Просунул в скважину отвёртку и скрепку, надавил, повернул до щелчка – и готово. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, надо было звонить в полицию. Но в моём рюкзаке – как и всегда – валялся набор отвёрточек, да и замок был совсем простым.

И внутри, за дверью, что-то стучало и тикало. Робот, скорее всего. А я не могу просто так стоять и слушать, как механизм расшибает себя впустую.

И главное, я был не в своей тарелке с утра.

Сегодня утром я позвонил М*** в очередной раз. Посидел, послушал гудки. Пятый гудок. Шестой, седьмой.

И вдруг понял, что тот умер.

Не мог же он просто взять и пропасть на три месяца. Он ходил ко мне с заказами последние два года, и ни разу не исчезал надолго. Скорее всего, просто умер. Хотя М*** не выглядел дряхлым: полностью седой, но ещё бодрый. Дви-

гался не по-стариковски и смотрел ясно. И глаза были всегда красными, как у человека, который любит читать допоздна. Интересно, сколько именно ему было лет?

А кем он работал? И где живёт?

Чем больше я думал про это, тем больше мне хотелось, чтобы он взял, наконец, трубку.

Я не был готов к тому, что он возьмёт и исчезнет. Ещё меньше – к тому, что мне станет его не хватать. И что мне станет интересно, кто же на самом деле такой этот странный дед.

У меня все клиенты странные. И мне одинаково всё равно, кто они и почему ко мне обращаются. Я запрещаю себе этим интересоваться из деликатности. Но у меня всегда было чувство, будто я ещё что-нибудь узнаю об М***. Расспрошу.

Но он просто умер.

Он был моим постоянным клиентом. Приносил с собой одинаковых роботов неясного назначения: у них было тельце размером с кулак, не имевшее никаких портов и выступающих частей. Разве что простые ножки или гусеницы, чтобы бегать или ездить. От меня требовалось немного программирования. Замена микросхем, добавление функций. Мелкий ремонт.

Такого хорошего заказчика потерял. Чёрт. Хотел уже бросить работу и полностью перебраться в свою лавочку. Маленькую, но свою.

Дед исправно платил, но я вдруг понял, что расстроился

не из-за денег. Хотя из-за чего в таком случае?

Ко мне часто приходят с заказами на секс-игрушки. Но М*** не похож на человека, которому такое нужно. Ещё он не похож на наркоторговца и выжившего из ума богача. Строго говоря, он ни на кого не похож.

Не был похож.

Я заставил себя поискать в интернете его имя. Итак, М*** был художником. Умер два месяца назад. Он не забрал свой последний заказ и больше никогда ничего не закажет. И я не знаю, где бы мне ещё такого клиента взять.

Я положил три механизма в обувную коробку и отправился туда, где отдавал заказы М***. У него был небольшой домик с гаражом возле парка. Обычно он встречал меня на крыльце, всегда одетый во что-то белое, как будто сегодня праздник. Я собирался постучать в двери, и если дома окажется кто-то из родственников, отдать заказ. И быть может, что-то узнать о старике.

Мне никто не открыл. На улице никого не было. А изнутри гаража что-то стучало. Вот я и не выдержал.

Внутри пахло смазкой, как у меня в мастерской. Через дверь в гараж проникло немного света: достаточно, чтобы разглядеть, что лежит на стеллажах – роботы, конечно. Все эти маленькие странные механоиды, с которыми я имел дело.

Их было много. Непривычно много. Я и подумать не мог, что за эти годы столько перечинил. Мы встречались с М***

несколько раз в месяц. Я брал их на ремонт по одному, может по паре за раз. И вот они здесь все в этой комнатухе. Некоторые шевелятся.

Но кто и зачем будет хранить это всё?

И главное: для чего они? И почему они так выглядят?

Когда он мне их отдавал, они были без корпуса. Обычно воображения и смекалки хватает догадаться, какой корпус будет у игрушки. Я стараюсь об этом не думать. Вы не поверите, когда узнаете, какие задачи поручают роботам. Если робот достаточно умён, чтобы диагностировать передозировку у владельца, то некоторые доверяют ему свою жизнь. А когда начинают доверять свою жизнь, то потом доверяют и всё остальное. И уж тем более...

Нет, это не для секса. Говорят, седина в бороду – бес в ребро. Борода у М*** была замечательная, а насчёт беса я сильно сомневался.

Я выключил того робота, что стучал, и взял его на руки.

Робот размером чуть больше моего кулака. Формой почти как яйцо, серый. Пахнет пылью. Напоминает чесночную головку, но весь будто помятый и в целом не очень похожий на растение. И вообще ни на что живое.

И ведь это я потрудился над тем, чтобы он смог снова ходить. И летать. Вот только куда? Куда прикажут. Можно задать координаты. Можно включить распознавание лиц, так что робот дойдёт до нужного человека. Обычно так делают для самодоставляющихся посылок.

Но это – вот это вот – оно зачем кому такое нужно?

Я решил, что задам вопрос родственникам М***, когда их разыщу. Невежливо совать нос, но в конце концов: я потратил сотни часов своей жизни на эти округлые... как их назвать?

Я задумался. Потом понял, что взломал дверь и стою в гараже, куда меня никто не приглашал. И прежде чем искать родственников М***, надо убрать следы взлома.

Я аккуратно поставил затихшего робота на полку и починил замок.

А через день снова взломал эту дверь.

Спустя несколько дней я начал обманывать и следить, а потом практически убил человека. Но сперва взломал дверь.

Никаких родственников я найти не смог. Старик жил один. Старик занимался не пойми чем. У старика было мутное прошлое. Итого я имел целый гараж маленьких роботов и никаких объяснений.

Тогда я решил посмотреть на них поближе. Взял рабочий компьютер, рюкзак с проводами и адаптерами, закрыл офис и направился к гаражу, стоящему на окраине городского парка.

Почему я захотел уйти на фриланс? Потому что не мог уже больше сидеть на работе. Точнее, потому что не мог часами программировать из точки А в точку Б по техническому заданию, которое мне спустил менеджер со своего четвёр-

того этажа на мой сто шестой. Сижу, вожу мышью по коврику, выставляю свойства программного объекта, и чувствую, как рука тяжелеет. То ли жизнь проходит мимо, то ли я прохожу мимо жизни.

И я открыл свою лавочку. Ко мне стали обращаться разные странные люди с горящими глазами и заказывать вещи, которые не купишь в магазине. За это я брался с азартом. Отказывал только явно криминальным типам. К которым М*** явно не относился.

Хотя теперь я и не знал, что про него думать.

Я обвёл взглядом стеллаж.

– По крайней мере я знаю, что вы не бомбы. Не шпионы. Не наркокурьеры. Но кто вы такие?

Роботы не отвечали, хоть и были напичканы умной электроникой. И кстати, недешёвой. Я почувствовал сладкое щекотание в животе: если это барахло разобрать на запчасти, то можно очень неплохо перепродать некоторые чипы. У меня иногда случался неожиданный навар: бывало, клиент не возвращался за заказом месяцами, и я с чистым сердцем пускал запчасти в оборот, ощутимо наращивая маржу за счёт дармовых комплектующих. Прежде чем я почувствовал неловкость за мысль, что хочу заработать на имуществе мертвеца, сходу успел прикинуть, сколько стоят одни только контроллеры движения во всех этих тушках. В животе защекотало ещё сильнее.

Суммы хватало с лихвой, чтобы уволиться, дать рекламу

фирмёшки и стать себе хозяином. Последние два года я тянул заказы параллельно с основной работой и изрядно устал.

«Заявление, – подумал я, – прошу уволить меня по собственному очень большому желанию».

Как можно прожить интересную жизнь? Не знаю. Но знаю, как прожить скучно: нужно всё время просидеть в офисе. Чтобы не сидеть в офисе, нужно, чтобы за тебя сидел кто-то другой. Ты должен открыть фирму и нанять работников. Для этого нужен стартовый капитал.

У меня не было стартового капитала, но была девушка. И был страх. Страх увидеть разочарование в её глазах и услышать «Но мы же не можем себе этого позволить». Сам я не боялся быть бедным: в бедности прошло всё мое детство. Но когда я представлял себе её лицо и серо-голубые глаза, в которых читается разочарование, то мне казалось, что есть два будущих.

Будущее, в котором мы слушаем джаз на большой веранде, открытой морю.

И будущее, в которое мы войдём, как в облезлую хрущёвку. В этой хрущёвке окна выходят на другую хрущёвку. Чердачные люки ведут не на крышу, а в подвал другого серого панельного дома. Вы начинаете паниковать и хотите убежать из подъезда, жмёте на кнопку, железная дверь с писком открывается, и вы оказываетесь в затхлом подъезде другой хрущёвки – с такими же потемневшими углами и облупленной штукатуркой.

Все хрущёвки одинаковы, каждый человек, живущий в хрущёвке, несчастен по-своему.

Рука потянулась к карману, я вытащил смартфон и стал набирать сообщение для поставщика комплектующих, но, поколебавшись, стёр.

Вдруг выяснится, что целые роботы будут стоить больше, чем запчасти. Мало ли, что придумал старик. Быть может, вот эта штука, похожая на подгнившую луковицу на ножках, умеет... умеет... Нет, идей у меня не было.

Я включил нескольких наудачу. Некоторые роботы остались без движения. Трое после включения выскочили из гаража, прежде чем я успел их поймать, и резво уехали прочь. Два экземпляра улетели. Тогда я решил: сперва сканирую память, потом включаю. Я просидел с уродцами, пока не стемнело, а потом снова пришёл с утра.

В нескольких из них нашлись адреса, по которым работа можно было отправить. Адреса и даже фотографии.

Уверяю вас, я держался до последнего: потратил несколько дней, копаясь в электрических мозгах: раскидал запчасти по стеллажам и полу, стараясь не накрошить чипсами на детали. Спина моя ныла от сидения в углу гаража на неудобном стуле. Я не нашёл ничего: ни плана, ни инструкции, ни чертежа, которые бы могли объяснить, какой команды ждут эти штуки.

И тогда решил на эксперимент.

Выбрал одного из роботов, в памяти которого были адрес

и фотография. Перепрошил настройки, отвечающие за способ перемещения с полёта на шаг – и запустил доставку. И проследил.

Робот бежал по улице. Я шагал за ним, иногда тоже переходя на бег. Если вы думаете, что хоть одна сволочь сочла это подозрительным, то вы ошибаетесь. Увы.

Чем больше город, в котором ты живёшь, тем больше найдётся людей, которым ты совершенно не нужен. Тем проще затеряться. И – тут я это понял в первый раз – если ты гарантированно хочешь, чтобы к тебе никто не пристал, то лучше производить впечатление лёгкого сумасшедшего. Бормотать что-нибудь под нос, поглядывать диковато на прохожих, шумно топтать по слякоти. Ну или спешить с нервным видом за роботом странной формы.

«Чёрт, – подумал я, – как я дошёл до жизни такой? Это жадность? Да/нет/не знаю?»

Если бы сейчас меня схватили за рукав и спросили, в каком городе я живу, я бы сказал: «В капиталистическом». Прохожие, мимо которых мне приходилось маневрировать, были либо рабочими, либо владельцами средств производства. Это со мной началось вчерашним вечером, когда посмотрев на стеллаж с роботами, я вдруг сказал вслух: «Они мои». И хотя я понимал, что у закона на этот счёт другое мнение, я почувствовал, что имею право на механоидов. Я менял шестерёнки, прикусив язык от напряжения, ломал го-

лову над кодом, часами вдыхал запах канифоли.

Моя девушка, послушав это, сказала, что я говорю чуть-чуть марксистские вещи. А для будущего владельца фирмы даже чуть-чуть марксизма это уже слишком.

– Глянь в зеркало, – сказала она, – не растёт ещё борода и Фридрих Энгельс из левого плеча?

Она мило улыбнулась, но мне было невесело. Я понял, что меня загнали в угол, и посмотрел в зеркало, чтобы выиграть время.

– Я вижу в зеркале человека, который родился во времена, когда страна трещала по швам, – ответил я. – Мои родители бежали из Казахстана. Мы оказались в городе, в который при царе ссылали неугодных дворян. Каждый человек, который что-то соображал, мечтал оттуда выбраться. Эта карма ссыльного города досаждала не меньше, чем жара и пыль. Я выбрался в столицу. А М*** здесь жил всегда. Сытый, с квартирой в центре. Он был художником, то есть развлекался всю жизнь.

– Это если роботы для развлечений. Ты ведь не знаешь. Может, он ими зарабатывал.

– Вот именно. Я почему-то отмёл с порога теорию, что это не секс-игрушки. Но что, если это так? Что если он держал электронный бордель?

Девушка нахмурилась и отвернулась: ей не нравились подобные разговоры.

– В любом случае, – сказал я. – По факту я был его наём-

ным работником. Не имею ли я право на долю в предприятии?

Она пожала плечами.

Тогда я подумал, что это означает «Я не знаю, отстань». Сейчас, хлюпая ботинками и потея под осенней курткой, я подумал, что это также означает: «Я не знаю, что с тобой происходит. И я тебя не узнаю». Я и сам не знал.

Но знал, что не остановлюсь. Не сейчас.

Я свернул вслед за роботом в арку. Потоптался у подъезда, пока кто-то не открыл дверь. Взбежал следом на третий этаж и поднялся ещё выше на площадку между этажами так, чтобы видеть дверь, перед которой остановился робот.

Робот подпрыгнул и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл носатый юноша лет двадцати пяти с видом полусонным и озабоченным. Он недовольно осмотрел пустую лестничную клетку, а потом его взгляд упал на робота.

Его лицо стало похожим на фарфоровую чашку. Потом на фарфоровую чашку, которую разбили. Потом склеили. Потом чашка старалась сохранить прежний вид, но у неё плохо получалось.

Я разбираюсь в таких вещах, потому что несколько лет проработал с людьми, которым страшно или стыдно. Впрочем, я ни разу не видел, чтобы человеку стало и страшно, и стыдно за половину секунды.

– Что там такое? – спросили из глубины квартиры.

– Это... мне пришло... – пробормотал юноша. Потом

кашлянул и сказал громко: – Это наушники. Доставка. При-
слали новые наушники.

Он стал озираться, и я, стараясь не дышать, отошёл от
лестницы. Дверь хлопнула. Я выглянул снова. Площадка бы-
ла пуста. Парень забрал работа.

Тем вечером я не смог уснуть. А с утра отправился по то-
му же адресу. Чёрт с ним, подумал я. Спрошу его напрямую.

Дверь открыла женщина средних лет. Я назвал имя парня.

– Его нет, – ответила она. – А вы?...

– Его приятель, – сказал я. – Мы договаривались, что я
зайду.

Женщина как-то странно промолчала.

– Мы договаривались, что послушаем новые наушники.

Он вчера купил новые наушники. И мы...

– Ему плохо, – ответила женщина.

– Ладно... я зайду потом. До свидания, – сказал я и остал-
ся стоять.

– Послушайте, – вдруг сказала женщина, – вчера вечером
он случайно принял большую дозу снотворного. Сегодня он
в больнице. Пока не пришёл в себя.

Я не знал, что сказать. Но у меня на этот случай есть пра-
вило. Если нужно, чтобы человек разговорился, а задавать
ему прямой вопрос неловко, то можно повторить его послед-
нюю фразу.

– Он принял снотворное, – сочувственно сказал я. Мне и

в правду было жаль парня с треснутым фарфоровым лицом.
– Случайно. Слишком большую дозу.

– Целый пузырёк, – сказала женщина.

– Принял целый пузырёк, – повторил я. – Случайно.

И тут же понял, как это звучит. Никто не может принять целый пузырёк случайно. Господи Иисусе!

– Вы ничего об этом не знаете? – уже не скрывая беспокойства, спросила женщина. – Всё было хорошо. Уже давно всё было хорошо!

Я помотал головой.

– Извините, – сказал я. – Я перезвоню.

Женщина кивнула, закусила губу и стала смотреть в сторону.

Дверь захлопнулась, и я пошёл домой на ватных ногах.

Прежде чем отправить второго робота, я хорошо подумал. Сперва я даже решил от греха подальше разворотить их всех к такой-то матери. Даже назначил встречу с продавцом запчастей, чтобы сгрузить ему самые востребованные чипы. Но тут же написал вдогонку, что откладываю встречу. Я начал думать о деньгах, но мысли упорно сбивались на то, что маленький робот сотворил с живым здоровым человеком.

Конечно, это могло быть простым совпадением. Но что-то мне подсказывало, что парень решил покончить с собой именно вследствие визита. «Что-то мне подсказывало» – это, конечно, неудачный оборот. Я видел, как его перекосило. И

не мог забыть. Этого было более чем достаточно, чтобы разоб-
раться механических уродцев от греха подальше.

Но меня-то их вид не пугал. Только приводил в замеша-
тельство. Они были какими угодно, только не страшными.
Несуразными, насколько может быть несуразным дитя яйца
и чеснока с хорошей электроникой внутри. Но не до такой
степени, чтобы довести человека до самоубийства. В моём
случае только свести с ума от любопытства.

Любопытство подогревалось тем, что возле гаражных во-
рот стоял почтовый ящик, и уже дважды в нём появились
новые роботы. Кто их принёс – я не видел.

Я ещё раз постарался найти объяснение в прошлом М***.
Однако столкнулся с проблемой: М*** был своеобразным
типом. Он слушал песни, которые я не мог понять. Он жил
непонятно на что и говорил непонятно о чём.

Мне нравилась его страсть, но читать о его жизни было
как следить по телевизору за спортивной игрой, правил ко-
торой не знаешь. Я смотрел записи передач с его выступле-
ниями и терял мысль примерно на третьей минуте, когда он
второй раз произносил слово «феноменологически».

Я терпеливо отматывал назад и слушал, переставая жевать
чипсы, чтобы не заглушать хрустом речь. Яснее не станови-
лось, и я обычно соглашался с его оппонентами. Одним из
оппонентов был какой-то учёный. Он говорил:

– Добро не существует само по себе. Как и зло. Это не
отдельные сущности. Они не похожи на магнитные поля. Это

не химические вещества. Вы не обнаружите их прибором.

– Но я как раз... – перебивал его М***.

– Нет, подождите! Вы всюду ищите платоновские идеи. Даже там, где их нет. Допустим: если вы видите что-то треугольное, то можете представить себе идеальный треугольник. Даже такую вещь как «треугольность». Вы считаете, что все треугольные вещи это подобия идеального треугольника. Но это работает не всегда. Вы не можете себе представить идеальную собаку, описывающую всех собак. Потому что нет чёткой границы между домашней собакой и диким волком. Всегда есть переходное звено, животное, которое было между ними. Пусть и вымершее. Мы можем говорить только о популяции собак и о популяции волков, между которыми провели условную черту. А на самом деле там есть серая зона. Так и добро и зло это на самом деле наборы добрых и злых поступков. Бывает добро, которое другие люди считают злом. Но люди хотят видеть идеальный чертёж, модель, абстракцию, правило, закон, концепцию, схему! Идею чистого добра и чистого зла. Такую же простую и ясную, как идея треугольника. Но это невозможно!

Мужик прав, так ведь? Хотя какая ему разница в самом деле – отдельная сущность добро или не отдельная. Мне бы его проблемы.

В ответ М*** нёс какую-то ахинею. Говорил, что люди живут не в объективной реальности, а внутри своей головы. Что мир для нас это пространство идей и представлений:

– Из чего состоят камни? Подумайте. Обычно мне в ответ говорят, что камни состоят из горных пород. Какого-нибудь оксида кремния. На самом деле камни состоят главным образом из пустоты! Пространство между ядром атома и соседним ядром атома во много тысяч раз превышает размеры самого ядра. Так что внутри них ничего нет. Но людям это знать не нужно. Камни достаточно твёрдые и плотные, чтобы на них наступать. Так видели мир кроманьонцы, так продолжаем видеть его мы. Если это для вас слишком абстрактно, подумайте вот о чём: кирпич состоит в основном из пустоты, но от этого не будет легче, если он упадёт вам на голову.

И что-то ещё про то, как эпифеноменологически разворачивать юмовское понимание «я».

Это на словах. А на деле он устраивал выставки. Брал людей, цеплял им датчики к шее и делал визуальные репрезентации комка в горле. Комка никакого на самом деле нет: это ощущение, которое создают напряжённые мышцы в горле печального человека. М*** это не смущало. Он цеплял датчики людям к голове, определял настроение; делал карты радости и печали в нашем мегаполисе. По его словам это и были настоящие карты местности. Обычные карты он печатал на бумаге и сжигал на открытии выставки. А карты радости и печали устанавливал в телефоны посетителям.

В общем – жил в каком-то своём мире. Впрочем, живи я в его мире, я бы тоже поставил себе какой-то особый навигатор.

Однако же в его роботах была нормальная навигация – спутниковая. И в одном из них были вполне привычные координаты. Имя, адрес и фотография девушки. Я снова проследил за роботом. Когда девушка открыла дверь, я взял робота на руки.

– Здравствуйте. Не подскажете, что это такое?

Я снова увидел, как человек бледнеет на глазах. У девушки на лбу и щеках была какая-то сыпь, скорее всего из-за аллергии. Пятна – едва заметные сперва – вдруг стали чётко видны.

Впрочем, девушка быстро совладала со страхом и пришла в бешенство.

– А вы кто такой? Что вам от меня нужно?

Я тихо и вежливо повторил, что лишь хочу знать, что это такое, потому что я когда-то это ремонтировал.

Она поколебалась, а потом с шумом хлопнула дверью.

– Уходите, а не то я вызову полицию! – донеслось из-за двери.

– А вызывайте, – сказал я. – Надо разобраться наконец. Слушайте, я не хочу вас огорчать, но это какие-то опасные штуки и...

Я почувствовал себя глупо, собравшись объяснять перед закрытой дверью всю историю с М*** и гаражом, полным роботов, похожих на чесночные головки. Поэтому замялся.

Так мы и стояли добрых минут десять: я держал робота

на руках, как непристроенного котёнка, потел, злился и рассматривал цифру «49» на двери. Я слышал, что по ту сторону девушка взволнованно дышит, но явно не торопится звонить в полицию.

– Вы прекрасно знаете, что это такое! Вы гад! – рявкнула она и отошла от двери.

Больше я от неё ничего не добился. Шагая по дороге к гаражу, я решил, что больше не буду трогать «мишени», как я назвал про себя тех, к кому бежали включённые роботы. Кроме мишеней был и стрелок.

Стрелок умер, но остался его оруженосец. Следить за почтовым ящиком самому было не обязательно. У меня в гараже было много десятков пар электронных глаз. Я выставил двух роботов на подогретый весенним солнцем асфальт, а сам развалился на раскладушке, слушая музыку. Я жил на диете из чипсов и молока, и это пора было менять, но уходить надолго за нормальной едой не хотелось. Так я квасился два дня, слизывая крошки с пальцев и обдумывая стратегию разговора с тем, кого я поймаю возле почтового ящика. Стратегий образовалось четыре: просьбы, запугивания, подкуп и обман. В момент, когда прозвучал сигнал извещения, я как раз размышлял, какую из них применять в зависимости от того, кто окажется возле почтового ящика. Наверное, подростка проще будет запугать, а старика разжалобить.

Я выскочил на улицу. Возле почтового ящика копошился

человек. Он повернулся, заметил меня и направился ко мне так резко, что я проглотил слова от неожиданности.

– Я... ээ... здравств....

Человек не откликнулся, и прошёл мимо меня в гараж. Это был мужчина непонятного возраста, бледный и округлый, похожий то ли на женщину, то ли на подростка. С неподвижным, как у манекена, взглядом.

Он зашёл в гараж и стал шуметь. Я кинулся следом, но замер на пороге, потому что не знал, что делать.

Человек убирался в гараже. Взял веник и совок и стал подметать. Поднимал запчасти и детали корпусов на стеллаж, сметал крошки чипсов и обрывки изоленды в совок, расставлял коробки под стеллажом.

На меня не реагировал.

– Здравствуйте! – громко сказал я.

В ответ я не услышал ничего, кроме сопения и шороха веника.

– Здравствуйте! Вы можете сказать мне откуда эти роботы?

В ответ он вроде бы что-то сказал себе под нос. Я подошёл вплотную к нему и повторил вопрос ещё громче. Он ответил тоненько и монотонно:

– Из клиники. Конечно. Из клиники. Конечно, из клиники.

– Какой клиники?

– Из центра психического здоровья. Из центра психиче-

ского здоровья..

Я сделал несколько шагов назад. Откуда взялся сам уборщик – у меня было мало сомнений. Из той же клиники. Я стал кусать ноготь, думая, что предпринять дальше. С сумасшедшими я разговаривать не умел. Так что из четырёх стратегий у меня осталась одна: кусание ногтя.

Человек закончил подметать и поставил веник в угол. Потом оглядел стеллажи и тоненько заскулил. Я вздрогнул, потому что не мог понять, что его смутило. Уборщик потоптался на месте, а потом кинулся к полкам и принялся переставлять роботов. Быстро и чётко, как расставляет фигуры опытный шахматист перед началом партии.

Закончив, он вышел. Я двинулся было за ним, чтобы проследить, но что-то меня удержало. Слежка ни к чему хорошему меня ещё не привела. Я остался стоять у дверей гаража, наблюдая как сгорбленная фигурка, семена, удаляется в парк. А потом вернулся в гараж. И тут – с первого взгляда на стоящих в новом порядке роботов – я заметил то, чего не замечал раньше.

Они были разных сортов. Или, если можно так выразиться, выполнены в чуточку разных стилях. Как если бы их лепили из пластика и раскрашивали разные люди. Некоторые сорта были в одном экземпляре, некоторые – в нескольких.

Я почувствовал коротенькое ощущение удовлетворения: как будто я был в игре, где надо перемещать фигурки так,

чтобы одинаковые становились в ряд и исчезали. Теперь, когда уборщик расставил одинаковых роботов в ряд, что-то прояснилось. Или – по крайней мере – теперь я смогу перейти на новый уровень. Может быть.

Я опять закопался в данные, которые удалось наскрести из электронных мозгов. Но на этот раз разложил все находки по папочкам. Выяснилось, что и здесь есть порядок: если в робота были заложены координаты, то в тушках «одного стиля» находились координаты одного и того же человека.

Начав играть в компьютерную игру «три в ряд», трудно её бросить, особенно когда ходов осталось мало, а конец уровня маячит перед носом. Я, как человек, залипший в смартфоне, смутно осознавал, что прошло уже до чёрта времени, давно пора отложить игру в сторону и заняться делом. Но эти мысли были на краю сознания, а в основном голова моя была наполнена загадкой, которая вот-вот должна была разрешиться из-за того, что я нашёл какую-то закономерность.

Один из адресов оказался оказался адресом психиатрической клиники. А один из роботов этой же группы появился у меня уже после того, как я нашёл гараж. И ещё: один из роботов этой же группы сбежал на свободу в тот день, когда я, экспериментируя, беспечно включил нескольких.

Я решил, что раз первый визит робота к этому человеку уже состоялся, то можно нанести ещё один. Хуже не будет: либо тот робот уже сделал нечто непоправимое, либо этого человека моими роботами не напугать.

И вполне возможно, что бояться следует как раз мне. Привиделся такой сценарий: я нахожу этого человека, сидящего в психиатрической клинике (суровое здание за бетонным забором с проволокой), он поднимает на меня дикий взгляд, щёлкает пальцами, и робот, повинувшись, разворачивается ко мне. Моё лицо трескается, как фарфоровая чашка, и я медленно подхожу к окну, чтобы прыгнуть оттуда вниз головой.

Как технарь я не очень-то верил, что роботы могут излучать что-то губительное для мозга. Да и не было у них внутри никаких излучателей. Но всё же я не психиатр, и мне было немного жутко. Да что уж там: иногда совсем жутко.

Но остановиться я не мог.

Бывало, когда М*** приходил ко мне в очередной раз с коробкой под мышкой, я говорил: «Добрый день. Это снова вы?». А он отвечал «Конечно. Охота пуще неволи». Я не придавал значения этой странной поговорке. А теперь почему-то её вспомнил. Что ж, если бывают люди, которые одержимы желаниями, то я, наверное, не худший из них.

Я перепрошил робота на ходьбу, активировал его, выпустил из гаража и отправился следом.

Идти пришлось недолго. Гараж М*** стоял возле парка, с другой стороны которого к деревьям жался милый кирпичный особнячок века XIX-го, переделанный под учреждение, вывеску которого я не успел прочитать, потому что робот спешил к адресату, как за вкусненьким. Но по всему получалось, что это и есть та самая страшная клиника. Робот смело

подбежал к двери клиники, а я струсил и остался стоять в парке – за деревом.

Робот подпрыгнул и ткнулся в звонок.

На крыльцо вышел немолодой человек в сером свитере. Он чем-то напоминал М***, но вместо седой бороды у него были седые волосы, требующие стрижки. Увидев робота, он замер.

Но к моему облегчению, не рассыпался на части и не схватился за сердце. Он чуть склонил голову и, не моргая, смотрел на механоида.

– Цып-цып-цып. Ну давай сюда. Ну давай.

У старика был сильный голос. Робот, переваливаясь, приближался к нему. Старик сделал несколько резких шагов, спустился с крыльца и схватил робота. Робот продолжил шевелиться в руках, но недолго: старик нащупал выключатель, спрятанный под корпусом и обездвижил машину. Старик сделал это уверенно, с первого раза, хотя чтобы добраться до выключателя, надо было отогнуть пластик, защищающий рычажок от случайных прикосновений, и потянуть его в нужную сторону – наощупь. Мне вспомнилось, как в детстве мой одноклассник ловил голубей и сворачивал им головы – хруст, и птица замирает.

Старик медленно выдохнул и поднял взгляд на дорогу, ведущую к двери клиники. Я увидел, как его лоб перечеркнула морщина, а уголки рта опустились, как будто он действительно убил голубя, но тот успел больно клюнуть. Старик вни-

мательно осмотрел дорогу, потом повернулся вправо и стал изучать окрестности, видимо, надеясь увидеть того, кто привёл робота. Я стал осторожно отходить назад – когда старик посмотрит влево, он наверняка увидит меня.

Дверь открылась, на пороге появилась девушка в белом халате. Старик повернулся к ней, спрятав робота за спиной.

– Кто там? Уже ушли? – спросила девушка.

– Ошиблись адресом, – ответил старик.

– Вас ожидает клиент.

– Который на четырнадцать тридцать?

– Да.

– Сейчас. Спешу.

Девушка исчезла. Старик ещё раз осмотрелся по сторонам, сгорбился и зашёл внутрь.

Я подождал несколько минут, переводя дух. Здание выглядело мирно: из парка ветром нанесло кленовые листья к крыльцу, так что подойти к нему можно было, неслышно ступая по мягкому. Старые кирпичи здания чуть обкрошились, поэтому у них не было острых углов. Всё словно бы приглашало подойти и обещало безопасность.

Я сделал три глубоких вдоха и вышел из-за дерева. Ручка двери легко повернулась, хорошо смазанный замок щёлкнул, но негромко. Внутри был пустой вестибюль, по-казённому окрашенные стены которого были увешаны объявлениями, плакатами, выписками из нормативных актов и фотографиями.

«Простите, а как я могу найти вот этого седого мужчину, у которого сейчас клиент?... Нет, мне не назначено, я просто хотел спросить про роботов, которые...»

Я почувствовал себя глупо. Ещё было непонятно, с чего лучше начать расспрашивать старика. Он спрятал робота за спину, это значит... Стоп, а что он вообще здесь делает? Якобы лечит? Я ещё раз пробежался взглядом по объявлениям на стенах.

В коридоре послышались шаги. Я сфотографировал несколько объявлений и поспешил выйти на улицу. Отойдя от здания и повернув за угол, я пересмотрел снимки. На одном из объявлений был номер телефона. Я позвонил по нему сразу же – пока не перетрусил.

– Здравствуйте, – сказал я. – Я бы хотел записаться на группу поддержки.

– ...и ты лежишь, – сказала девушка, – не можешь встать, чтобы помыть посуду. Ненавидишь себя за эту посуду. Кто ты такая, до чего докатилась? Уже на простейшее не способна. Скоро мыться перестанешь.

– Извини, пожалуйста, – сказала ведущая, – я напому: надо говорить «я», а не «ты».

– Ах, да, опять сбилась. Извините.

– Ничего-ничего, – пробормотали в группе.

– Лежу целый день. Не могу помыть эту долбаную посуду, – девушка нервно засмеялась, замолкла и стала смотреть в

пол.

– Спасибо, что поделилась, – сказала ведущая, – Кто-то хочет сказать что-нибудь Татьяне?

Она оглядела группу. Я спрятал глаза. Слово взял молодой человек, сидевший справа от меня.

– Таня, у меня было такое состояние. Ты прямо очень похоже описываешь. Я бы знаешь, что хотел сказать... Есть такой момент, что ощущение усталости – оно обманчивое. Немного обманчивое. Я ни в коем случае не говорю, что ты этого не чувствуешь – парень выставил ладони – просто иногда можно начать что-то делать и уже по ходу дела обнаружить, что это легче, чем кажется. Можно встать с целью помыть одну – только одну – тарелку, а там как пойдёт...

– Да, точно, – подхватила другая девушка из группы, – и ещё, конечно, работает КБТ. Берёшь табличку... Пардон! Я беру табличку и пишу, типа, «Помыть посуду – сложность восемьдесят». Начинаю мыть, и оказывается, что она не восемьдесят, а пятьдесят или даже тридцать.

– Понимаешь, Лиз, тут ещё какое дело. Я работала финдиректором до всего этого. И эти электронные таблички у меня вот где... при одной мысли...

– Ну можно взять бумажный блокнотик, ручку...

– А я понимаю, как это бесит, – сказала третья девушка. – Ты лежишь, всё тошно, и тут: на вот, давай заполняй таблички. Пиши в клеточки. Да идите вы в жопу!...

Девушка засмеялась и закрыла лицо руками.

– Простите! – сказала она.

– Так, хорошо, – сказал ведущая. – Быть может, ты что-то скажешь, П***?

Она посмотрела на меня. Все посмотрели на меня.

Я не был готов к вопросу, потому что был занят тем, что пытался найти во всех этих разговорах объяснение истории с роботами. Депрессия – я почитал про эту болезнь. То, что говорили эти ребята, было понятно, хотя я с трудом представлял себе это состояние. Но оно укладывалось в прочитанное. Должно было быть что-то ещё, что выбивалось из общей картины и могло вывести меня на роботов. Могли ли эти мои роботы атаковать человека, сделать так, что тот не может встать и помыть посуду? Причём целого финдиректора.

– Я пока помолчу. Можно? – сказал я.

– Конечно. Но если что-то хочешь добавить к нашему обсуждению, не стесняйся.

Я кивнул.

«Надо будет хоть что-то сказать», – подумал я.

Девушка, которая предлагала заполнять таблички, решила взять реванш:

– Ну и записываешь тоже эту мысль: «Я ничтожество, даже посуду не могу помыть», а рядом пишешь «Я не ничтожество, я просто болею. Это временно». И тебе сразу становится легче. Пардон! Мне сразу становится легче. Что я хочу сказать: депрессия это замкнутый круг, верно?

– Самоподдерживающийся цикл, – сказал парень.

– Ну или так. И рвать его нужно в любом удобном месте. Если ты не можешь... если я не могу пойти на работу, я считаю себя ничтожеством. Если я себя считаю ничтожеством, я чувствую себя ещё хуже, и у меня ещё меньше сил. Так по спирали и скатываюсь к тому, что не могу зубную щётку поднять. Но стоит только сказать себе, что я не ничтожество – спираль идёт в другую сторону. Лучше написать, конечно.

– Не представляю, как я выйду на работу. Да и зачем? Я проработала несколько лет на этой должности, ничего больше не видела, кроме этих табличек, а потом просто уволилась, потому что не могла продолжать.

– Я тоже думаю, – вклинился я, – зачем? Я работал программистом. А потом... я сидел, водил мышью по коврику и чувствовал, что рука становится тяжелее и тяжелее.

Кто-то кивал, кто-то смотрел с сочувствием, кто-то не смотрел на меня вовсе. Я осмелел и добавил к рассказу кое-то из прочитанного:

– Я стал просыпаться по ночам от чувства... как бы его описать. Как будто опаздываю на поезд. На самый главный поезд в жизни. Весь в поту. И я не понимаю. Вроде бы беспокойство за будущее – это важное чувство. Оно заставляет меня что-то делать. Но оно такое сильное, что парализует.

Ведущая кивнула.

– Самое плохое, что никто не понимает меня, когда я рассказываю... – добавил я.

– Но все считают себя знатоками, – грустно добавил па-

рень из группы и все закивали.

– Спасибо, П***. Кто-то хочет что-нибудь сказать?

Любительница таблиц сказала:

– Когда паника очень сильная, можешь взять блокнотик и отмечать силу эмоции по шкале от одного до десяти. Каждые три минуты: сначала было восемь, потом семь, шесть, четыре... Эмоция пропадает просто потому что за ней наблюдают.

Парень добавил:

– Я читал, у буддистов тоже практики построены на внимательном наблюдении за внутренним миром. Попробуйте сесть неподвижно и просидеть час. Рано или поздно у вас невыносимо засвербит где-нибудь за ухом. Можно почесаться. Но можно и понаблюдать за тем, как свербит, где свербит, что именно свербит. И как оно постепенно проходит. То же самое с печалью. С неотвязным желанием. И с гневом и жадностью.

– Можно нарисовать свою тревогу, – подсказала другая девушка.

– Спасибо, – сказал я.

«Нарисовать тревогу, – подумал я. – Что за бред!»

– А что твой терапевт говорит по этому поводу? – спросила ведущая.

– У меня нет терапевта, – я немного похолодел.

Ведущая, к счастью, не удивилась.

– Я бы всё же рекомендовала такие вещи проработать на

личной терапии. Что-то случилось? Почему ты перестал работать со своим врачом?

– У меня никогда его не было.

– Хорошо. Я не настаиваю, но могла бы порекомендовать хорошего специалиста.

Встреча закончилась, все попрощались и вышли из комнаты, я остался в коридоре, сел на скамейку и стал перешнуровывать ботинки. Левый, потом правый, потом снова левый – люди всё не расходились. Потом решил, что если я просто буду сидеть, то это будет менее подозрительно. Здесь не задавали вопросов. И я просто оставался на скамейке, пока коридор не опустел. Тогда я встал и не спеша прошёл в одну сторону, потом в другую.

Одна из дверей была открыта – кто-то, видимо, проветривал свой маленький кабинет, потому что была открыта нараспашку и форточка. Я заглянул внутрь – к одной стене жался старый дешёвый диван из Икеи, у другой был заваленный бумагами и книгами стол. Дальнюю стену занимали полки, забитые книгами и разными мелкими игрушками.

– Вы что-то хотели?

Я подпрыгнул. Это был голос старика. Он направлялся в этот самый кабинет, но я перегородил ему дорогу.

– Вы записаны? На какое время?

– Нет, – сказал я, – не записан. Но хочу... То есть... мне нужна личная терапия.

– Вы были на группе?

Я кивнул.

– Хорошо, только вам нужно всё же к администратору сперва. Но раз уж вы здесь, то давайте быстренько согласуем время приёма. Администратор всё равно полезет в мой календарь.

Старик жестом пригласил меня в кабинет, и я прошёл. Врач прошёл следом, опустился в кресло и ткнулся в компьютер.

– Следующий четверг? Первая половина? – спросил он.

– Хорошо, – сказал я.

Старик поднял голову и посмотрел на меня. Это был странный взгляд. Он не рассматривал меня с головы до ног, но глядел пристально. Я чувствовал, что его мысли не заняты ничем, кроме меня. И потому он свободно читает обо мне совершенно всё.

Я почувствовал себя неуютно и опустил глаза.

– У вас ничего срочного, я надеюсь? – услышал я голос старика. – Хорошо себя чувствуете?

– Нет, – ответил я. – Меня пугает это. Очень пугает.

На столе среди прочего лежал серый предмет, напоминающий формой то ли луковицу, то ли яйцо.

– Что это? – спросил я.

– Вы видели это раньше? – спросил старик, продолжая меня изучать.

– Нет.

– Хорошо. Я было подумал... когда вы стояли в парке у клиники, не решаясь зайти, то как раз могли встретиться с... ну ладно. Присядьте, пожалуйста. Это... сделал один из пациентов. Как по-вашему, на что похоже?

– На работы художника М***.

Старик поднял брови.

– Вы его знаете?

Я не знал, что ответить, и сделал неопределённый жест ладонью.

– А вы? – спросил я.

– Да, кстати, что он сейчас делает?

– Он умер.

– Ах вот как. Когда?

– Два месяца назад.

Старик потёр лоб. Он о чём-то крепко задумался, мне даже показалось, что на полминуты забыл о моём существовании.

– Как странно! Так вы его знали? Почему вас-то пугает эта штука?

– Хотел бы я знать.

– М*** вам не рассказывал о своих идеях?

– Нет. Ну то есть, да. Что добро и зло существуют сами по себе как поля. Всё такое.

– А с грустью ласково обращаться не учил?

– Э-э-э. Что?

– Вижу, что нет. Так вы его ученик?

– Как сказать... Помощник.

– Простите, я быть может, глупость скажу... вы точно здесь за консультацией?

– А вы точно... психотерапевт?

Старик расхохотался, а потом вместо ответа указал на диплом, висящий на стене в рамке.

– Извините, я не над вами смеюсь. Раз уж вы упомянули имя М***... Давайте так: я расскажу вам о некоторых наших с ним делах. Быть может, вы что-то для себя проясните и расскажете мне о своём с ним знакомстве. Если пожелаете. Идёт?

Я кивнул.

– М***.. Он приходил ко мне не так давно. Возмущался... Тут вот какое дело. Лет сорок назад, когда я был ещё аспирантом, М*** был популярен у молодёжи. Вот кто сейчас ходит на художественные выставки? Так и тогда никто не ходил. А М*** вдруг сделал изобразительное искусство актуальным: народ пошёл в галереи, стал обсуждать работы. Но только своё искусство. И ненадолго. Но был, конечно, большим молодцом, пока не тронулся окончательно.

– Разве он был сумасшедшим? – спросил я.

– Я его не освидетельствовал, – ответил старик с нажимом, – но общался несколько раз вплотную. Мы с коллегами позаимствовали у него идею. Он делал картины, цепляя датчики к людям. К горлу в частности. Человек мог увидеть,

визуализировать свой комок в горле. Мы решили, что в этом есть терапевтический потенциал. Буддисты веками учат наблюдать за внутренним миром и многие проблемы решают именно тем, что изучают свои эмоции долго и пристально.

Проблема в том, что мало кто готов наблюдать за своей психической механикой по часу в день. И мы стали изобретать различные техники. Ещё когда я учился, у нас в арсенале был приём: попросить человека нарисовать свою депрессию, свою печаль, свой страх, свой комок в горле. Теперь мы смогли показать этот комок на экране. Распечатать. Человек мог поговорить со своим комком. Выслушать свою печаль, а не глушить её. А мог сжечь распечатку. Мог сделать самолетик и запустить с балкона в парк. Отправить письмом за океан. Это неплохо помогает, когда работаешь с большим депрессивным расстройством, особенно тревожного спектра.

Потом мне пришла идея печатать модели комков на 3D-принтере. А потом и... ну и...

Он взял со стола серый комок и показал мне.

– А-а-а, – сказал я.

– Именно. А вы что думали?

– Я не знал, что и думать. Ломал голову.

– Давно ломали?

Я понял, что нет смысла юлить.

– Тут вот какое дело... – сказал я.

И выложил всё с самого начала. Психотерапевт застыл, как будто я накладывал ему гипс на руку, а он не шевелился,

чтобы не мешать.

Когда я дошёл до конца, он кивнул и с видимым удовольствием сменил позу.

– Прогуляемся в ваш гараж?

Не дожидаясь ответа, он взял шляпу и направился к выходу.

– Я привык что люди мгновенно узнают свой комок. У каждого он особенный. Человек бессознательно формирует это изображение под себя. Комок похож на его печаль. Печаль, тоску, сожаление, душевную боль, подавленность, апатию, грусть, меланхолию, скорбь, огорчение, отчаяние, безысходность, уныние, горечь.

– Вы знаете много грустных слов.

– Это профессиональное. Так вот, мы придумали эту технику: создавали эти самые комки по изображениям клиентов и давали им, чтобы те отпускали их в лес. Благо он у нас тут прямо за дверью.

Но да, вы правы: наверное, человек далёкий от нашей среды, совершенно не поймёт, что перед ним, если увидит комок. Решит, что это какая-то ходячая картофелина. Но М***... он как-то прознал, чем мы занимаемся. Он пришёл ко мне несколько лет назад.

Старик замолчал, вспоминая.

– И что же?

– Лет тридцать назад, – продолжил он после длинной па-

узы, – он написал стихи. Надо же, я до сих пор помню:

Он пригрозил мне, что бог нас сорвёт
Но мы ещё только зреем
Он уверял, что любой самолёт
Был в детстве воздушным змеем

Любил он всё одушевлять. Всё подряд. Так до старости эту привычку, видимо, и сохранил.

– Вы выпускали комки из горла в лес? Как-то странно звучит.

– О... Это не самое странное, чем занимаются терапевты. Видели бы вы, как у нас в городе кое-кто проводит групповые сеансы гипноза. Мне жалко пациентов. Сидит человек в трансе, а на него орут: «Рви пуповину!!! Рви пуповину!!! Рви пуповину!!!». А мы-то что.

– Но погодите. Я не специалист, конечно, но когда-то давно на тренинге слышал, что если мы отворачиваемся от неприятной эмоции, мы бежим от проблемы, и на самом деле надо принимать свои обиды, а проблемы решать.

– Всё верно. Это работает для здорового человека, а не для человека с клинической депрессией. К сожалению, единицы знают, что такое на самом деле депрессия. Но каждый считает себя знатоком. И наш общий друг тоже. Так вот: несколько лет назад этот самый М*** пришёл ко мне без приглашения и заявил буквально, что печаль нельзя так про-

сто прогонять. Нехорошо мы с ней поступаем.

– С печалью?

– Именно. Вы знаете эти его идеи: что всё существует само по себе наподобие поля. Печаль, зло, добро, ненависть. Я, конечно, возражал ему, говорил, что печаль это эмоция, явление психики. Реакция мозга на внешние сигналы. А то что оно у нас тут на ножках бегаёт, ну так это терапевтическая игра. А он...

– А что он?

– Нёс какую-то ахинею.

– А, да. Это он умел.

– И, видимо, не ограничился разговорами. Но в тот день просто ушёл. Я не придавал значения. Видимо, я его недооценил.

– Значит, он стал собирать выпущенные... эээ... комки в горле?

– Ха! – вдруг закричал терапевт. – Стал собирать! Не то слово! Вы не поняли ещё? Он поселился рядом с парком! Он их подбирал, как раненых птичек! Он ремонтировал их! Сколько вы говорите? Два года?

– Два года. С лишним.

– Ооо. Вы меня без ножа режете. Вы теперь мне объясните, как он их подбирал? Я, между прочим, доплачиваю дворнику, чтобы он находил их в лесу и сдавал в утиль. Не пугать же грибников, верно? И что он сделал с дворником? Подкупил? Перехитрил? А данные пациентов? Он откуда их брал?

Воровал? О-о-ох.

Я не ответил. Я представлял себе, как М*** ходит этими тропинками, ощущает их своим колючим взглядом. Быть может, поэтому у него были красные слезящиеся глаза: он целыми днями высматривал серых роботов в полутьме. Подкрадывался к опушке и наблюдал, как новый пациент отпускает свою печаль в лес. И та бежит в темноту, чтобы заблудиться и умереть, но попадает в тёплые руки М***.

Мы дошли до гаража.

– Ну что ж, – сказал я. – Вот они все. Теперь ваши.

И ясно вспомнил, что они здесь не все.

Терапевт прочитал мою мысль и кивнул.

– У меня семь давних пациентов внезапно слегли с рецидивами. Подумать страшно, что человек переживает, когда его комок в горле приходит к нему пешком среди бела дня. Я сам в первый раз чуть сердечный приступ не заработал.

– Но вы же профессионал. Вы же сами их делали!

– Терапевты тоже люди и имеют право на любые эмоции, – отрезал старик.

Я открыл гараж и мы заглянули внутрь.

На полках стояли комки. Если бы я увидел что-то подобное в художественной галерее, я бы решил, что художник псих, и тот, кто за это платит, тоже псих. Но сейчас мне казалось, что это самая красивая вещь, которую я видел в жизни. И самая грустная.

Старик посмотрел на стеллажи с роботами и покачал го-

ловой. Он огляделся, увидел стул, на котором я провёл эти дни, крошки чипсов, коробки из-под молока, мои инструменты и пакет с проводами. Глянул на меня коротко, но никак не прокомментировал увиденное. Снова посмотрел на ряды механоидов и вздохнул.

– Вот натворили мы дел, – сказал старик. – И я, и М***, и вы тоже хороши. Чёрт бы вас побрал. Зачем вы выпускали их?

– Ну... я же не мог предположить...

– Да знаю, – махнул рукой старик. – Давайте-ка от греха подальше выключим их всех. А лучше вывезем на свалку и сожжём. Что вы так смотрите?

Я пожал плечами.

– Они... Красивые. То есть, не красивые, конечно, но... как живые.

– Да, понимаю, – серьёзно сказал он. – Вам их жалко?

Я не знал, что ответить, и, к счастью, меня отвлёл колокольчик входящего сообщения. Я сделал вид, что сообщение срочное и невидящими глазами уставился на экран смартфона. Когда до меня дошёл смысл прочитанного, мне стало ещё более неловко.

Но я не придумал ничего лучше, чем прочитать сообщение вслух.

«Ну что там с контроллерами MX5? Предлагают \$750 за штуку, если подгонишь 25шт рабочих».

– На запчасти хотите сдать? Это правильно. Люди потом

сделают что-нибудь полезное. Перепаляют печаль на радость. Вот как чудесно-то в современном мире.

– Нет, – сказал я и сам удивился, – не дам. Это... это...

Я указывал руками на полки, но не мог подобрать слово.

Старик ждал с интересом.

– Это искусство! – наконец сообразил я.

– Ну и что? Музей откроете?

– Почему бы и нет. Вы считаете, никто не придёт смотреть? Это не искусство?

Старик задумался, но ненадолго.

– Двадцать пять чипов по семьсот пятьдесят долларов, верно? Я правильно расслышал?

Я смутился, но кивнул. Старик пошевелил губами, подсчитывая.

– Ну что я могу сказать, молодой человек? Вы только что на моих глазах отказались от двадцати тысяч долларов ради удовольствия смотреть на чужую печаль. Кажется, вы правы: это искусство. Одному человеку плохо, другой на это смотрит. Третий за это берёт деньги.

Мы помолчали.

– Вам печально? – спросил терапевт. – Что ещё чувствуете? Трудно глотать?

2080. Мексиканка

Мне дали минут пятнадцать. Я старался не моргать, чтобы наглядеться впрок. За это время можно обойти всю комнату, и я обошёл её не торопясь по часовой стрелке. Но в первую же секунду почувствовал, где висит «Мексиканка». И конечно, меня потянуло именно к ней. Наверное, она была чуть ярче освещена, чем другие картины. И выглядела как живая: я даже будто услышал шорох платья и смешок. А может, сразу уловил взгляд девушки с полотна. Кто-то говорит, что она смотрит насмешливо – так же, как «Мона Лиза». И так же переоценена. И то, и другое – ерунда. Я бы сказал, что она смотрит на тебя так, будто знает твои мысли. Наверное, над чьими-то мыслями она и смеётся. Вот те люди подобные слухи и распускают. И правильно, что «Мексиканка» не висит в музее, а спрятана за семью печатями. Зачем смущать людей этим рентгеновским взглядом? Обойдутся репродукциями.

Люди из службы охраны – все в чёрных костюмах и белых рубашках – вежливые, с тихими голосами, как консультанты в салоне ритуальных услуг, извинились за то, что придётся сделать прокол на шее. Какие пустяки.

Да я бы руку отдал за то, чтобы попасть в хранилище.

Вот то-то и оно: выжечь кожу на пальцах, чтобы подделать рисунок отпечатка, – мелочи. Надо быть на шаг впереди зло-

умышленников. Поэтому я не возражал против имплантата. Безопасность того стоит.

Операция заняла полчаса. Меня разбудили, дали прийти в себя, сунули в руки картонный стаканчик кофе. Место прокола немного саднило, и я чувствовал себя странно: в мой мозг проложили ещё одну дорожку, шину данных, и будут использовать её как ключ. У меня появилось чувство, что на меня кто-то постоянно смотрит. Толком прислушаться к ощущениям я не успел: за мной пришли, чтобы отвести в хранилище.

Меня проводили за стальные двери, оставили одного, обдали каким-то аэрозолем с потолка – и сигналом лампочки дали понять, что можно пройти. Шипение, клацанье механизмов, жужжание. Чем дальше, тем страшнее и торжественнее. И воздух будто стерильнее, и моё отражение в стальных поверхностях очередных дверей всё удивлённее.

А потом – я один в скупой освещённой комнате, стены которой увешаны драгоценными картинами, среди которых была и она – «Мексиканка».

Я, конечно, как и все, знал её только по репродукциям: каждый локон, каждую пуговку на платье. Но и близко не ожидал, что она так обожжёт, когда увижу её вживую. И за что мне только такая честь?

Действительно, за что?

Я, конечно, спросил об этом Виктора – после, когда он пригласил меня отобедать вместе. Виктор объяснил, что

иметь дело с современными искусствоведами – всё равно что собственноручно пускать лису в курятник. Всех купили, даже тех, кто не продавался. Они испорчены деньгами и конъюнктурой так называемого современного искусства. А что такое современное искусство? Сунуть мышь в блендер, продать фарш за миллион долларов. В общем, я должен понимать, что к чему. А раз понимаю, то именно такой молодой, незашоренный талант из провинции – тот, кто им нужен. Сам Папа держал за правило привлекать к любимым проектам «свежую кровь». А ему не откажешь в прозорливости.

И я, конечно, не отказывал в прозорливости человеку, который основал технологическую компанию, знаменитую на весь мир. Поговаривают, что он продал душу дьяволу, чтобы научиться создавать таких поразительных роботов. Но возможно, он просто был умён.

Его гигантская фотография украшает холл этого небоскрёба: десять шагов от левого уха до правого. Виктор похож на своего отца, хотя тот не поджимал губы так капризно. Впрочем, эта привычка делает Виктора похожим на аристократа. У меня дух захватило, когда я его увидел. Словно встретил человека тех времён, из которых к нам пришла «Мексиканка».

Кстати, говорят, когда связываешь судьбу с этой картиной, с тобой начинают происходить странные вещи.

Самая популярная легенда гласит, что первый владелец «Мексиканки» – англичанин Олдфилд – познакомился с де-

вушкой лично: зашёл в комнату и увидел, что полотно опустело. Он услышал тихий смех, повернулся – а та стояла у него за спиной. Далее рассказы разнятся. По одной версии, Мексиканка рассказала Олдфилду какой-то секрет. По другой – поцеловала один раз в губы. В любом случае, Олдфилд попал в приют для душевнобольных – знаменитый лондонский «Бетлем», он же «Бедлам», – а «Мексиканка» переехала к другому владельцу, который подозрительно быстро отдал её в музей.

– А вы-то что об этом думаете? – спросил меня Виктор.

– Суеверия, – ответил я. – Во-первых, сэр Олдфилд жил раньше, чем построили «Бедлам», и попасть в него никак не мог. Во-вторых, записи показывают, что Олдфилд умер у себя дома и в ясном уме. В-третьих, картины не оживают.

– Разве? – спросил Виктор с удивлением, а потом улыбнулся краешком рта, дав понять, что шутит.

– Уверяю вас как специалист, – ответил я с такой же деланной серьёзностью.

– А вы хорошо разбираетесь в предмете.

– Спасибо, – я чувствовал, что краснею.

– Это не дежурный комплимент. Знаете, нам не хватало такого члена команды. Человека с эрудицией и в то же время скептика. Вы вот только что уверенно опровергли миф, попросту сопоставив две даты. Это ценно. Когда получаешь в наследство картины, то вместе с ними получаешь в придачу уйму мифов, слухов, всяких сумасшедших с бегающими

глазами, звонки от журналистов. Я уж молчу про мошенников, взломщиков, спекулянтов...

Я кивал, не зная, что сказать.

Виктор задумался и погладил переносицу.

– Вот за что люблю современные технологии, – сказал он. – Кто-то говорит, что с ними в наш мир приходит сухость, механистичность. А мне нравится, что они приносят ясность. Знаете, я люблю играть на клавишных...

Он отставил бокал и опустил руки на стол, как будто взял какой-то аккорд, так что его тонкие пальцы образовали несколько арок.

–... и ловлю себя на том, что предпочитаю синтезаторы. Да, тембр пианино интереснее, богаче. Но он тянет за собой всю историю инструмента. Ты не можешь просто взять несколько нот, не заставив слушателя подумать о Шуберте или Ките Джаррете. Да хоть об Элтоне Джоне. С синтезаторами всё проще. Чистый, голый *звук*. Простой и ясный.

Он посмотрел на меня и добавил:

– Так что я не чураюсь компьютеров, не боюсь роботов. И не держусь в стороне от нейроинтерфейсов. Надеюсь, вам не было больно?

– О, что вы, совсем нет, – я немного солгал.

– Спасибо, что согласились на операцию.

«Так вы же мне не оставили выбора», – хотел я пошутить с серьёзным видом, но не решился.

– Вы не представляете, на что могут пойти грабители, –

задумчиво сказал Виктор. – Приходится защищаться самыми радикальными способами. Кстати, если к вам будут вдруг приставать со странными разговорами. . . . А впрочем, наверное, служба безопасности вас уже предупредила. Значит, вы знаете, что делать и кому звонить.

Я кивнул. Виктор довольно улыбнулся:

– Вот и славно. Живыми людьми вас не запугать, а в призраков вы не верите.

Я набрал воздуха, чтобы ответить, но тут Виктор встал из-за стола и пожелал мне всего доброго.

Я тоже машинально улыбнулся.

– Вы что-то хотели сказать? – спросил Виктор.

– Нет-нет, – ответил я, – всего доброго.

Я отправился в гостиницу отдыхать и готовиться к новому рабочему дню. Точнее – меня отправили, наказав хорошо отдохнуть и переварить впечатления. Легко сказать. Титанических размеров высокотехнологичное хранилище картин ошеломляло, но и огромный дорогой отель производил впечатление. Конечно, стальных дверей с кодовыми замками в отеле нет, но если ты провинциал, то тебя легко поразить, например, пылесосом. Особенно если он роботизированный, блестящий, а горничная, которая им помыкает, одета в униформу, достойную космических войск.

Я закатил в номер чемодан, открыл его и убедился, что моя коллекция, моя «карта проявлений», в целостности и со-

хранности. Бумажные карточки и моток ниток были аккуратно обложены одеждой. Я планировал в первый же день развесить карточки на стене, но почувствовал, что слишком устал для этого. Спать было рано. Я посидел на кровати, вдыхая запах гостиницы: этот вроде бы не очень приятный, но романтический запах... чего? Чистящих средств, наверное. Отдушки для белья. Приятный, но чуточку стерильный. Тебе вроде бы пытаются угодить, но в то же время намекают, что ты здесь не надолго.

И хорошо. Ты не дома, ты где-то ещё. Твоя жизнь не стоит на месте. Уйдёшь – за тобой приберут. А ты отправишься дальше. Дух захватывает, когда думаешь об этом. Это чертовски ценно – осознавать, что ты выбрался из маленького города. Я вообще второй раз в жизни в гостинице. Ездил в отпуск с родителями, когда мне было лет семь. А сегодня мне всего двадцать четыре, и я выбрался сам. Точнее, меня выбрали.

Меня! Не верится. Невероятно. Хотя, если подумать, ну кто-то же должен был оказаться на этом месте: «Мексиканку» изучает множество искусствоведов по всему миру. У кого-то рано или поздно звонит телефон – приглашают в столицу работать с оригиналами.

Мой брат сказал, что это подозрительно: я не настолько хороший специалист, чтобы приглашать меня персонально. Моя девушка сказала, что он просто завидует: старшие братья часто завидуют младшим, потому что тех больше любят.

Я не знал, что сказать. В один из последних дней перед отъездом я пошёл в торговый центр купить новый костюм и, проходя мимо зоны развлечений, увидел, как железная сверкающая клешня хватает мягкую игрушку и тянет её вверх, отделяя от плюшевой массы подобных.

Облепившие автомат дети визжали так, что у меня заложило уши. Я улыбнулся игрушке. У неё тоже был счастливый вид.

Я улыбнулся себе в зеркало и решил, что заслуживаю небольшого угощения.

В баре гостиницы убивают вечера уставшие командировочные. Я не умею заводить знакомства, но как-то само собой получилось, что меня распирало от впечатлений, а барные стойки вроде как предназначены для ненавязчивых бесед. По крайней мере, так показывают в фильмах.

– Вы знаете, я тоже в последние годы занималась картинами.

– Так вы тоже искусствовед?

– Я биолог. Меня привлекли к одному проекту. Видите ли, на некоторых старых картинах у персонажей странные пальцы. Люди бог знает что выдумывают, чтобы это объяснить. Мы считаем, что у них попросту ревматоидный артрит. Или подагра.

Я, конечно, помнил скрюченные пальцы у одной из граций Рубенса. Сам Рубенс страдал артритом. Как, возможно,

и его жена, позировавшая для этой картины. Вообще, в те времена мало кто был полностью здоров. Меня рассмешило, что кто-то всерьёз пытается разобраться, чем именно мучались те несчастные. Мою собеседницу, похоже, ничто особенно не смущало. Впрочем, она медик, биолог. У них привычка говорить сухо и обыденно о вещах, которые обычно озвучивают с неловким смешком. Мне даже на секунду показалось, что на ней белый халат. Я окинул её взглядом и убедился, что она одета в обычное сине-серое платье. Бывает, за годы профессия накладывает отпечаток на манеры.

Я высмеял заказчиков исследования.

– Что ж такого, – возразила биолог. – Людям свойственно искать объяснения. Можно сказать, что люди выживают только потому, что умеют их искать и находить. В каком-то смысле, хм, это делает нас людьми.

– Но многое остаётся необъяснимым. В людях. То же искусство. Разве можно объяснить искусство? Что заставляет людей рисовать картины?

– Отсутствие фотоаппаратов? – она говорила серьёзно.

– Это раньше. А сейчас?

Женщина задумалась. Очень странно говорить с человеком, который не ощущает простого прикосновения красоты, – я таких чаще жалел, чем презирал. Пока биолог собиралась с мыслями, я отпил из бокала. Это был джин с тоником, и я пил его в первый раз в жизни. Не синтетическую подделку, а настоящий джин. Настоящий джин производил впечатле-

ние мудрёного джаза: сперва какофония вкуса, резкий удар по рецепторам, который спустя несколько секунд смягчается и разворачивается в сложную, богатую гармонию. В ней всё было на месте, и даже гомон бара не досаждал, потому что мне казалось, что это шум публики, пришедшей послушать джаз.

– Вы знаете, есть такая птица – австралийский шалашник, – наконец ответила моя собеседница. – Её самцы строят для самок такие беседочки, арочки. Чрезвычайно затейливые. Жить в них нельзя, яйцо в них не отложить. В общем, никакой пользы. Птицы украшают их цветами, всякими перьями, ворованными пуговицами. Доходит до того, что они могут раздавить ягоду и красить шалашик её соком, окуная в сок листик как кисточку. Всё для того, чтобы обворожить невесту. Мой бывший муж, кстати, тоже за мной красиво ухаживал. И на ухаживании его роль в продолжении рода закончилась. Искусство появилось как реклама качеств, необходимых для продолжения рода. Индикатор приспособленности.

Я сделал ещё глоток. Надо признать, что моя собеседница-биолог так же отличалась от моей учительницы биологии, как настоящий джин от синтетического «джин-тоника». Вот настоящая специалистка, а не погонщик школьников по дистиллированной программе.

– Погодите, но это инстинкты, – сказал я. – Настоящее искусство необъяснимо.

– Ну, если бы мы могли поговорить с птицей, она бы тоже не смогла объяснить, почему у неё такая страсть к украшению арочек. Она ощущает, э-м-м-м, творческий импульс. Не связанный явно с поиском партнёра.

– Но это не творчество!

Наверное, я слишком громко это выпалил. В баре на пару секунд притихли, и я услышал короткий женский смешок, как будто Мексиканка сама спустилась сюда и развеселилась, наблюдая за подвыпившим молодым человеком. Биолог, впрочем, оставалась невозмутимой как метроном.

– Почему не творчество? Если дать ей жёлтые и красные пуговицы, то жёлтые она уверенно отбросит, а за красные ещё станет драться.

– Но Рубенс – это не пуговицы!

Мы спорили два часа, пока бар не опустел. Женщина методично объясняла, как гены, отвечающие за вкус к прекрасному, передаются по популяции. Мол, самкам должны нравиться те качества самцов, которые были поддержаны отбором у её родителей. Кто сильный – у того шалашик красивее. У кого шалашик красивее, тот и папа. Кто любит красивые шалашики – тот и мама. А дети все в папу и маму. Логично? Логично!

Я ничего не мог возразить, но твердил, что всю жизнь занимаюсь искусством и точно понимаю, что в нём полно необъяснимого. Мы разошлись за полночь, и каждый остался при своём.

Я поднялся на свой этаж, поднёс смартфон к замку номера. Замок полсекунды подумал, сомневаясь, пропускать меня или нет, пикнул, и дверь отворилась. Мой взгляд упал на открытый чемодан: я оставил его посреди номера. В чемодане виднелось моё неаккуратно сложенное, застиранное бельё, рукав пижамы свешивался через край. Я поморщился: на фоне идеально заправленной, накрахмаленной постели и прочей строгой элегантности номера бельё выглядело хамской убогой деталью. Если бы я задумал картину «Провинциал в столице», то изобразил бы именно это – присутствие человека даже бы не понадобилось. Написал бы чемодан с барахлишком в этом выверенном, приятно-сером, пропитанном строгим «Баухаусом» интерьере – и готово.

Впрочем, плевать. Я здесь нужен, и я здесь не случайно. Ведь так?

Я достал из чемодана карточки, снял ботинки, забрался на кровать и стал развешивать карточки на стене, приклеивая кусочками скотча. Закончив, я взял моток красных толстых ниток и стал соединять карточки цветными линиями. Это было похоже на то, как составляют схемы запутанных преступлений детективы в американских фильмах.

Возможно, я тоже распутывал чей-то замысел. Не преступный, но грандиозный. Это было то, о чём я не решился рассказать Виктору. И в разговоре с биологом тем более не стал упоминать. Не сомневаюсь, она подняла бы меня на

смех. Конечно, не стала бы буквально смеяться, но, уверен, нашла бы пару метких аргументов, и каждое моё следующее слово только больше выставляло бы меня дураком.

Закончив с карточками, я достал ноутбук из рюкзака и поискал обучающие видео про половой отбор. М-да. Птички, гены, фенотипы. Всё убедительно. Пospорь с ней. Через три минуты я бы оказался похож на шахматиста, которого заманили в «вилку», и мне пришлось бы выбирать, что сохранить: лицо или убеждения.

Впрочем, убеждения – неверное слово.

Мой учитель медитации говорит, что есть несколько разновидностей знания. Есть то, что ты понимаешь умом, а есть то, что ты знаешь, потому что непосредственно чувствуешь. Их важно различать, если хочешь заниматься медитацией, а не сидением в позе лотоса. Скажем, ощущаешь дыхание. Есть разница между прикосновением к опыту вдыхания и концепцией «я дышу прямо сейчас, я делаю вдох».

Я отошёл в дальний угол номера и осмотрел схему.

Знакомая картина немного успокоила меня. Я снова почувствовал своё знание. Оно было таким же реальным, как дыхание, и таким же едва выразимым в словах, как ощущение хода своих мыслей. Как разница между «я думаю мысль» и «я заметил свою мысль».

На левой верхней карточке было написано:

In Xanadu did Kubla Khan

A stately pleasure-dome decree:
Where Alph, the sacred river, ran
Through caverns measureless to man
Down to a sunless sea.

Красная нить от этой карточки вела к портрету автора, Самуэла Кольриджа. Ниже была карточка с изображением собственно дворца Кублай-Хана, о котором писал Кольридж. От дворца нить вела к портрету хана. От Кольриджа и хана нити вели к пустой карточке. Её содержание мне ещё предстояло узнать. Выискать, высмотреть, вынюхать. Пропустить сквозь себя муть времени, выпить море информации и тонкими жабрами поймать песчинку смысла.

Таких незаконченных схем у меня было несколько. Удастся ли мне когда-нибудь их завершить, я не знал. Но я знал, что эти связи реальны. Конечно, биолог бы со мной поспорила. Хотя... хотя что бы она возразила на факты?

Известно, что эти восхитительно звучащие строки – лучшие в английской поэзии, с этим мало кто спорит – пришли Кольриджу во сне. Он был болен и, приняв опиум в качестве обезболивающего и снотворного, в наркотическом сне увидел то, о чём читал у Марко Поло: дворец Кублай-Хана. Кольридж проснулся с убеждением, что сочинил (или воспринял?) две или три сотни строк. Начало – малый фрагмент стихотворения – он записал. Его труд прервал чей-то внезапный визит, и остальное он, к немалой досаде, вспомнить

не смог.

Это произошло в 1797 году.

Что менее известно, так это то, что в 1816-м, двадцать лет спустя, в Париже был опубликован *первый* на Западе перевод с персидского «Джами ат-таварих» (сборника летописей) Рашид-ад-дина. В этой книге было написано: «К востоку от Ксанаду Кублай Хан воздвиг дворец по плану, который был им увиден во сне и сохранён в памяти».

Монгольский император в XIII веке видит во сне дворец и строит его согласно своему видению. В XVIII веке английский поэт, который не мог знать, что это сооружение порождено сном, видит во сне поэму об этом дворце.

Конечно, можно пыжиться и искать рациональные объяснения. Но можно прислушаться к себе, прислушаться к стихам, ощутить то колебание, которое музыка слов оставляет в душе, и признать, что ты чувствуешь замысел. Кто-то воздействует на души спящих людей. Они просыпаются и воплощают в реальность внушённый им образ. Кто-то – в мраморе и металле, а кто-то – в словах (на удивление, более прочных).

Нельзя не почувствовать, говорил Борхес, «сверхчеловеческий характер» исполнителя плана. Между попытками – известными нам – прошло не менее пяти веков.

Я почувствовал, что устал сверх всякой меры. Перелёт вымотал меня. Спор с биологом высосал мою душу. Моё служение – мой поиск великого творца – было и без того тяжё-

лым, а сегодня я как никогда ощущал себя крохотным и беспомощным. Я был маленьким человеком в огромном городе. В моём номере горел свет, и это был маленький квадратик жёлтого цвета, затерянный среди сотен других жёлтых и серых квадратиков небоскрёба, втиснутого в квартал среди десятка других бетонных игл.

Когда-нибудь, бог знает когда, ещё одному человеку приснится сон, и дворец снова явится в реальности: в виде статуи или музыки. Или, кто знает, компьютерной программы или робота.

Понадобится человек, который узнает дворец. Как? Дворец будет красив. Красоту надо уметь видеть и узнавать. Я стараюсь. Но господи, как я устал.

Я выключил свет и лёг под одеяло. Глаза привыкли к полутьме, и я увидел свою схему в другом ракурсе: странные корявые листочки, неаккуратно прилепленные к стене. На какое-то мгновение мне почему-то стало стыдно за них. Я привык к ним, когда они висели в моей комнате. Вход в неё был запрещён даже маме. В комнате всё имело своё место и свой смысл. В этом номере, в практичной ячейке для деловых людей большого города, бумажки смотрелись как листовки, прилепленные на фонарный столб каким-то сумасшедшим.

Я ворочался. Чёрт, откуда свет? Окна номера должны быть закрыты светонепроницаемыми шторами. Я приподнялся на локте и увидел, что мешало мне спать: мой же ноутбук, на экране которого стоял на паузе ролик про половой

отбор. Это компьютер своей холодной, рассудочной синевой светил на мою схему. Я выругался и захлопнул крышку ноутбука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.